

ГЕОРГ ХАЙМ
БЕЗУМНЫЙ

НОВЕЛЛА

Георг Хайм Безумный

<https://litres.ru/74414568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Покидая стены лечебницы для душевнобольных, главный герой новеллы оставляет позади жестоких санитаров и ненавистный больничный уклад. Впереди — долгожданный мир, родной дом и жажда свести старые счета с прошлым. Однако граница между реальным миром и внутренней тьмой уже разрушена.

Среди раскаленных июльских полей и суеты большого города разворачивается жуткое путешествие разума, потерявшего опору. Его галлюцинации превращаются в пророческие видения, ярость — в божественный экстаз, а реальность мегаполиса — в гигантский, сюрреалистичный лабиринт.

Классика немецкого экспрессионизма от культового поэта и писателя Георга Хейма. Пронзительная, мрачная и гипнотическая история о распаде личности, природе насилия и безумном мире, который подчас оказывается куда страшнее самого сумасшествия.

Новелла впервые публикуется в новом, бескомпромиссном переводе, выполненном Борисом Рифкиным — профессиональным лингвистом, переводчиком немецкого и английского языка.

Георг Хайм

Безумный

Безумный

Надзиратель отдал ему вещи, кассир отсчитал деньги, привратник отпер перед ним тяжелую железную дверь. Он миновал палисадник, звякнул калиткой — и оказался снаружи.

Ну всё, держись, мир, теперь ты у меня попляшешь!

Он пошагал вдоль трамвайных путей, пробираясь между низенькими домами окраины. Поравнявшись с полем, он с ходу рухнул на самом краю — прямо в густые заросли мака и болиголова. Он зарылся в них с головой, словно в плотный зеленый ковер. Лишь лицо белело из травы, точно восходящая луна. Ну вот, для начала можно и посидеть.

Значит, свободен. И очень вовремя его выпустили, а не то бы он переубивал там всех к чертовой матери. Каждого до единого. Того жирного директора он бы сгреб за его красную козлиную бородку и засунул головой прямо под мясорубку. Ах, до чего же мерзкий тип! Как он вечно скалился, когда проходил через скотобойню!

Дьявол, ну и паскудная же тварь.

А ассистенту — этому горбатому борову — он бы с превеликим удовольствием размозжил мозги каблуком. И надзиратели в своих белых полосатых халатах, похожие на банду каторжников, — эти сволочи, которые обкрадывали мужиков и насиловали баб по клозетам. От одного этого можно было поехать головой!

И он искренне не понимал, как вообще сумел там вытерпеть. Три года или четыре — сколько он проторчал там, на задворках, в этой белой дыре, в огромном каменном мешке среди сплошных психов? Бывало, идешь утром через большой двор на скотобойню, а они валяются кругом, скалят зубы, половина полуголые. Потом приходят надзиратели и волокут прочь тех, кто буянит сильнее прочих. Их суют в горячие ванны. И там не одного и не двух обварили до смерти — причем нарочно, он-то знал! Однажды надзиратели хотели приволочь на скотобойню труп, чтобы перекрутить на колбасу. И этой колбасой хотели кормить их! Он сказал об этом врачу, но тот только отмахнулся. Значит, сам был с ними в доле, проклятый пес! Эх, попадись он ему сейчас. Он бы швырнул его прямо в рожь и вырвал кадык к чертовой матери, этой проклятой свинье, собаке шелудивой!

Да и вообще, за каким чертом его упрятали в дурку? Чистая шикана! Что такого он сделал? Ну всыпал бабе своей пару раз — так имел полное право, муж он ей или кто? В полиции его жену надо было спустить с лестницы, вот это было бы по справедливости! Вместо этого его вызвали, допросили, устроили целый театр. А однажды утром просто не выпустили наружу. Упаковали в карету и выгрузили здесь, за городом. Что за дикая несправедливость, что за хамство!

И кому он всем этим обязан? Только своей женушке. Ну ничего, сейчас он с ней расплатится. Должок за ней висит приличный.

В приступе ярости он сорвал с края поля охапку колосьев и замахал ими, как дубиной. Затем поднялся — ну, берегись, тварь!

Он закинул за плечо узел с вещами и снова двинулся в путь. Правда, куда идти, толком не знал. Далеко за полями дымила заводская труба. Ее он знал — это было неподалеку от его дома.

Он свернул с дороги прямо в поля, ломясь сквозь стебли. Прямоком к цели. До чего же приятно было топтать по густой ржи, которая с треском хрустела и ломалась под ногами!

Он зажмурился, и блаженная ухмылка расплзлась по его лицу.

Ему показалось, будто он шагает по огромной площади. Там лежали тысячи, тысячи людей, уткнувшись лицами в землю. Все точно так же, как на той картине в кабинете директора, где несметная толпа в белых балахонах и капюшонах пласталась перед огромным камнем, молясь на него. Картина называлась «Кааба». «Кааба, Кааба», — твердил он на каждом шагу. Он произносил это как могущественное заклинание и направо-налево топтал белые головы. И черепа трещали под его ногами — с таким звуком, будто кто-то раскалывает молотком грецкие орехи.

Некоторые хрустели совсем нежно — это были тонкие, детские черепа. Они издавали чистый серебряный звук, легкий и воздушный, точно облачко. Другие, напротив, под сапогом дребезжали и трещали, как трещотки. И тогда из их ртов вываливались красные, трепещущие языки, будто из резиновых мячиков. Ах, до чего же это было прекрасно!

Некоторые головы были настолько мягкими, что нога в них проваливалась. Они липли к подошвам. И он так и шагнул с двумя черепами на ногах, будто только что вылупил их из двух яичных скорлупок и еще не успел их стряхнуть.

Но больше всего его тешило, когда попадалась голова какого-нибудь старика — голая и гладкая, словно мраморный шар. Тут он сначала осторожно примерялся, раскачивался для пробы: этак, этак и вот этак! А потом ка-а-ак даст каблуком — хрясь! — и мозги брызгали во все стороны, точно золотой фонтанчик.

Постепенно он выдохся. Ему вдруг вспомнился один псих из палаты, который воображал, будто у него стеклянные ноги и он не может ходить. Тот целыми днями сидел на своем портняжном столе, и надзирателям вечно приходилось таскать его на руках. Сам он не делал ни шагу. Если его ставили на ноги, он просто врастал в землю. При этом ноги у него были абсолютно здоровые — это же каждому видно! Он даже до клозета не мог дойти сам — ну надо же быть таким кретином! Просто смех и грех!

Недавно к ним приходил пастор, и он даже заговорил с ним об этом сумасшедшем: «Вы только гляньте, господин пастор, на этого портного — ну не идиот ли? Экая тупая падаль!» И пастор тогда хохотал так, что стены дрожали.

Он выбрался из ржи; весь его костюм и волосы были вымазаны в соломе. Узел с вещами он где-то посеял. Охалку колосьев он все еще сжимал в кулаке и махал ею перед собой, как золотым знаменем. Он печатал шаг. «Раз-два, горе

не беда, левой-правой, ходим павой», — бубнил он себе под нос. А репейники, налепившиеся на штаны, веером разлетались в стороны.

«Отделение, стой!» — скомандовал он сам себе. Воткнул свое знамя в песок проселка и брякнулся в канаву.

Вдруг его охватил панический страх перед солнцем, жгучим огнем, палившим в висок. Ему показалось, будто оно хочет наброситься на него, и он уткнулся лицом глубоко в траву. И заснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.